

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В.
ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Бережнов Денис Алексеевич

**ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ В
ПРОЗЕ В. НАБОКОВА**

Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель:

Леденев Александр Владимирович
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Зусева-Озкан Вероника Борисовна
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ФГБУ «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук»,
Отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени

Погребная Яна Всеволодовна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Солдаткина Янина Викторовна
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»,
Институт филологии,
профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв.

Защита диссертации состоится 15 февраля 2024 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр.51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет. E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2844>

Автореферат разослан 29 декабря 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проза Набокова содержит психологические наблюдения самого разнообразного характера и предлагает пространство для психологической трактовки многих теоретических проблем. Психологический ракурс проливает свет не только на особенности изображения психических процессов в набоковской прозе, но и на проблемы поэтические и метафизические. Настоящее диссертационное сочинение посвящено определению и исследованию принципов изображения внутренней жизни в прозе Набокова в контексте психологической прозы XIX в. и ее структурно-идеологических трансформаций в литературе XX в. Для изучения этой сферы набоковского наследия было предпринято общетеоретическое осмысление принципов художественной организации психологической прозы как таковой.

Предметом исследования выступают принципы и способы организации психологической прозы Набокова. Под «принципами» понимается некоторая структурная доминанта, пронизывающая различные уровни произведения, как-то: композицию, повествовательную структуру, художественный язык, образный ряд и т.д. Эта структурная доминанта и подлежит определению и теоретическому осмыслению именно в ракурсе ее психологического значения.

Объектом исследования является психологическая структура и содержание русскоязычной прозы Владимира Набокова с привлечением и анализом отрывков из его англоязычных романов и лирических текстов различных периодов.

Материалом диссертационного исследования выступают в основном русскоязычные романы Набокова. Центральное место среди них занимает роман «Дар», наиболее репрезентативный, как мы считаем, в плане использования принципов синтетического психологизма, выявляемых нами на основании историко-литературного рассмотрения русской психологической прозы (Глава I и Глава II), с учетом соответствующих положений философии

Анри Бергсона, а также контекста культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (Глава III). Особенного внимания, кроме названных текстов, заслуживает глава из романа «Ада, или Отрада», — «Текстура времени», представляющая теоретический каркас того, что мы встречаем в области психологизма и «философии времени» набоковской прозы. Помимо этого, особое внимание уделено рассказу «Ужас», который представляет некий «сбой» в синтетической организации психологических текстов Набокова и служит иллюстрацией к тому, в чем могут заключаться смысловые последствия нарушения узнавания.

Помимо произведений Набокова, материалом исследования стали образцы психологической прозы в современной Набокову литературе русского модернизма (тексты А. Белого, М. Пруста, Дж. Джойса и др.), и в отечественной традиции, представленной произведениями М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и др., а также — для иллюстрации «пред-психологической» литературы — конспективно характеризуются произведения У. Шекспира, некоторые тексты А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других писателей. Потребность в обращении к ним объясняется задачей определить структурные основы психологического произведения как такового и его отличия от прозы «непсихологической».

Актуальность исследования предопределена позицией самого Набокова. Высказываясь по поводу «нового романа», Набоков утверждал, что «сдвиги уровней, разбор впечатлений в их последовательности и так далее как раз относятся к области психологии в самом лучшем смысле слова»¹. Он признавался в другом интервью: «Полагаю, писатели любого ранга — психологи»². В романе «Отчаяние», давая скрытую самооценку, — но от лица центрального персонажа романа, — Набоков называет себя «густо психологическим беллетристом»³. Действительно, психология и ее

¹ Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая Газета, 2002. С. 196.

² Там же. С. 309.

³ Ср. «Решение труд мой вручить тому густо психологическому беллетристу, о котором я как будто уже упоминал, даже, кажется, обращал к нему мой рассказ». Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.3. Отчаяние. С. 493.

«разнообразные отражения в творчестве Набокова», по словам С. Блэкуэлла, сами по себе требуют отдельного пространного труда»⁴.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что принципиальные структурные изменения психологической прозы, в особенности значимый переход от традиций XIX в. к новым приемам и формам прозы XX в. не становился пока предметом научной систематизации. В настоящей работе предлагается специализированное изучение прозы Набокова именно в контексте развития психологической прозы в литературе XIX–XX вв. Большое значение в исследовании имеет контекст философии длительности Анри Бергсона, которая пока не применялась к изучению структурных (языковых, нарративных, композиционных) принципов организации набоковского текста: привлечение наследия Бергсона в набоковедении ограничивалось пока только метафизическими вопросами.

Степень разработанности темы напрямую связана с выбранной исследовательской перспективой и определяется работами, составившими **теоретическую основу** настоящего исследования. Первый из аспектов исследования — историко-литературное изучение прозы Набокова в контексте психологических подходов в литературе XIX–XX вв. Методологическую основу при выбранном ракурсе составили работы Е.Г. Эткинда⁵, Л.Я. Гинзбург⁶, В.В. Виноградова⁷, Б.М. Эйхенбаума⁸, А.А. Потебни⁹ и других¹⁰.

Второй аспект связан со специальными теоретическими вопросами, поставленными в работах ведущих набоковедов (Б. Бойда¹¹, А.А. Долинина¹²,

⁴ Блэкуэлл С. Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки. СПб.: Библиороссика, 2022. С. 11.

⁵ Эткинд Е.Г. Психопэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования. СПб: Санкт-Петербург. Искусство, 2005.

⁶ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1976.

⁷ Виноградов В.В. О языке Толстого: (50–60-е годы). М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220.

⁸ Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

⁹ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

¹⁰ Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Флинта, 2003; Бем А.Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского). Ижевск: ERGO, 2012; Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т.6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русское слово, 1996 и др.

¹¹ Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010.

¹² Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004; Долинин А.А. Комментарий к роману «Дар». М.: Новое издательство, 2019.

Г.А. Барабтарло¹³, Дж. Бартон-Джонсона¹⁴, О. Сконечной¹⁵, П. Тамми¹⁶, Я.В. Погребной¹⁷ и др.), вопросами следующего характера: что значит «восстанавливать время», как соотносятся память и воображение, имеет ли проблема творчества в романах Набокова психологическое измерение и т.п.

Третий аспект исследования непосредственно касается соотношения произведений Набокова и философских сочинений Анри Бергсона. Набоков в данном случае выступает как один из ряда модернистских писателей, искавших аутентичного воплощения идей французского философа. В связи с этим мы опирались на опыт изучения, во-первых, художественной практики модернистов, рассмотренной в свете бергсоновских идей (научные работы Ю. Подороги¹⁸, Х. Финк¹⁹, Пак Юн Суна²⁰ и других²¹), во-вторых, темы «Набоков и Бергсон», хорошо разработанной в современном набоковедении²².

Необходимо указать также и последнее, центральное направление нашего исследования, интегрирующее все предыдущие. Это, собственно, исследование «внутренней жизни» в прозе Набокова. Без привлечения философии Бергсона, без помещения прозы Набокова в историко-литературный контекст изучение психической жизни в романах писателя, на

¹³ Барабтарло Г.А. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

¹⁴ Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова. СПб: Симпозиум, 2011.

¹⁵ Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

¹⁶ Tammi P. Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1985.

¹⁷ Погребная Я.В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...». Лирика В. В. Набокова. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2005.

¹⁸ Подорога Ю.В. «Восстановить чувственный опыт» как мыслительный императив. Размышления по поводу поэтического опыта Бориса Пастернака // Человек. 2021. Т. 32, № 5. С. 167–179.

¹⁹ Fink H. Bergson and Russian modernism 1900–1930. Evanston: Northwestern univ. press, 1999.

²⁰ Пак Сун Юн. Время – длительность – память в творчестве О. Мандельштама (К рецепции философии А. Бергсона в России). СПб: Credo new: Теоретический журнал. №2. 2007. С. 209–221.

²¹ Дюпэгр А.Ф. Тоска по единству: о влиянии Бергсона на раннего Мандельштама. Russian Literature. Vol. XLII. № 2. 1997. С. 137–152; Видгоф Л.М. Статьи о Мандельштаме. М.: РГГУ, 2010; Духан И. Искусство длительности: философия Анри Бергсона и художественный эксперимент. Логос. 2009. №3. С. 173–185; Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Метафизический статус памяти в «философии жизни» Льва Толстого и Анри Бергсона // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 141–151 и др.

²² Toker, Leona. Nabokov and Bergson on Duration and Reflexivity". Nabokov's World, Vol. 1. 2002, pp. 132–140; Glynn M. Nabokov and Bergson. New York. 2002; Mattison Luci. Nabokov's Aesthetic Bergsonism: An Intuitive, Reperceptualized Time. Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2013. №1. pp. 37–52; Lyaskovets T. Approaching Nabokov with Bergson on Time: Why Spatializing Time? // Kaleidoscope. 2013. Vol. 5. pp. 98–118; Блюмбаум А. Антиисторицизм как эстетическая позиция: к проблеме: Набоков и Бергсон // Новое литературное обозрение. 2007. №4. С. 134–168 Grant P. Blessing the Freak. Nabokov contra Bergson // Vladimir Nabokov et la France. 2017. pp.159-169; Barthelmeß U., Furbach U. A Different Look at Artificial Intelligence. On Tour with Bergson, Proust and Nabokov. Wiesbaden, 2023 и др.

наш взгляд, малопродуктивно. Этим объясняется предпринятый нами методологический подход к изучению психологической прозы Набокова.

Проблема психологизма в литературе XX в. заключается в сильном, на первый взгляд, генеалогическом разрыве между ней и традиционной классической парадигмой²³. При разговоре о психологизме обыкновенно ограничиваются его устойчивыми формами, по умолчанию отказывая в психологических качествах «неклассической», «нетрадиционной» литературе. Две эстетические парадигмы — классическая и модернистская — до настоящего времени мыслились как внеположные друг другу. В свою очередь, психологизм было бы целесообразно, по нашему мнению, воспринимать как целостное, транс-парадигмальное развитие литературных систем, при котором границы той или иной психологической традиции динамически преодолеваются²⁴. Принцип этого развития, на наш взгляд, следует определять как морфологический, при котором литературные формы не отрываются друг от друга, скорее, они развиваются друг из друга, подобно биологическому организму. Подобная точка зрения развивает культурно-исторические размышления О.Э. Мандельштама и русских формалистов²⁵.

Современные исследования, так или иначе затрагивавшие проблему психологизма в прозе Набокова, в основном ограничиваются узким и точечным набором психологических вопросов. Немало работ было посвящено набоковской ностальгии и специфике «русского изгнания» как особого травматического опыта²⁶. Отсюда и центральные вопросы, имеющие

²³ Эта проблема была со всей отчетливостью поставлена в статье *Колобаевой Л.А.* «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 3–20.

²⁴ Основанием нашей динамической трактовки психологизма как изменчивой литературной системы являются положения из работы *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. // О литературной эволюции. М.: Наука, 1977. С. 270–281.

²⁵ Так интерпретировал непрерывность культурного развития О.Э. Мандельштам в статьях «Разговор о Данте», «О природе слова» и др. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. в 2 т. Т.2. М.: Художественная литература, 1990. Концепт «культурной памяти» и органическая интерпретация культуры встречаются в работе *Гаспаров М.Л.* «Грифельная ода» Мандельштама: История текста и история смысла. *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4.

²⁶ *Ухова Е.* Призма памяти в романах Владимира Набокова // Вопросы литературы. 2003. №4. С. 159–166; *Wood M.* The Magician's Doubts: Nabokov and the Risks of Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1994; *Ерофеев В.* Русский метароман В. Набокова, или В поисках потерянного рая // Вопросы литературы. 1988. №10. С. 125–160.

психологический оттенок, например, посвященные теме памяти, аксиологического и философского смысла самого акта припоминания²⁷. То же самое касается изучения творческого процесса именно как психологической проблемы, которая, без сомнения, присутствует в прозе Набокова²⁸.

Таким образом, предметом изучения на актуальный момент оказывалась только та или иная конкретная психологическая проблема (например, в статье С.В. Сакуна, посвященной «Защите Лужина»²⁹), в то время как выделению общетеоретических свойств психологической прозы Набокова исследований не посвящалось. Исключение составляет, пожалуй, работа Е.Ю. Хонг «Проблема художественного психологизма в русскоязычных романах Набокова»³⁰, в которой, однако, внутренняя жизнь по-прежнему изучалась вне специфических языковых и нарративных приемов ее отражения. Таким образом, общетеоретический взгляд на устройство психологической прозы писателя, по нашему мнению, пока не был представлен в научной литературе.

Цель данного исследования заключается в определении принципов психологической организации прозы Набокова на основе изучения лингвостилистического и композиционного устройства его романов.

Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи**:

- определить структурные параметры психологической прозы как специфической литературной системы;
- определить и сформулировать закономерности развития психологической прозы в период XIX–XX вв.;
- выявить генеалогическую преемственность принципов психологической организации текстов Набокова по отношению к различным

²⁷ Упомянем важную для нас научную работу *Аверин Б.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.

²⁸ *Злочевская А.В.* Креативная память как доминанта творческого процесса в романе В. Набокова «Дар» // Вопросы литературы. 2012. №4. С. 88–113.

²⁹ *Сакун С.В.* Шахматно-психологические проблемы романа В. Набокова "Защита Лужина". Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/sakun-gambit-sirina/psihologicheskie-problemy.htm>

³⁰ *Хонг Е.Ю.* Проблема художественного психологизма в русскоязычных романах Владимира Набокова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Москва, 2001.

традициям психологического романа (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А. Белого, Дж. Джойса, М. Пруста и др.);

— определить принцип структурной организации психологической прозы Набокова;

— предложить интерпретацию психологической структуры романа «Дар» Набокова в свете философии Анри Бергсона;

— проследить пути и способы преодоления языковых ограничений при изображении душевных процессов в романе «Дар» В. Набокова (в контексте «проблемы невыразимого»);

— предложить классификацию различных способов изображения «потока сознания» на материале прозы Л.Н. Толстого, Дж. Джойса и В. Набокова;

— разрешить частные психологические вопросы современного набоковедения, как-то: проблемы памяти, восприятия, внутреннего времени и т.д. в ракурсе «философии длительности» Анри Бергсона.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке теоретического аппарата и морфологического историко-литературного подхода при работе над произведениями психологической прозы XIX и XX вв. Кроме того, исследование призвано продемонстрировать продуктивность обращения к философии Бергсона при изучении структурной организации психологической прозы Набокова.

Практическая значимость заключается в адаптации результатов исследования при составлении лекционных курсов, разработке спецкурсов и семинарских занятий по теме диссертационного сочинения.

В качестве **методологической основы** был разработан морфологический подход к изучению принципов психологической организации текстов В. Набокова. Морфологический подход учитывает и развивает литературоведческие концепции Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и других представителей «формального литературоведения». В работе также

применяются системный, сопоставительный, культурологический, герменевтический методы анализа художественных текстов.

Степень достоверности положений и выводов диссертационного исследования обусловлена структурным и лингвостилистическим анализом отрывков из произведений В. Набокова, Л.Н. Толстого и других авторов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Психологическая проза подразумевает специфическую организацию текста на основании той или иной психологической структуры. Этой структурой нередко выступает структура мышления персонажа, которая определяет особенности стилистических, композиционных и др. формально-содержательных параметров текста. Так, синестетическое и творческое сознание Федора Годунова-Чердынцева определяет структурную организацию романа «Дар».

2. Психологическая проза развивается непрерывно и обнаруживает преемственность формальных структур. Развитие психологической прозы следует рассматривать как сквозное и транс-парадигмальное. При детальном изучении произведений «традиционного» психологизма в них обнаруживаются нетипичные для парадигмы черты, которые будут актуализированы и станут типичными в прозе следующей парадигмы.

3. Отличия психологической прозы XX в. от прозы XIX в. проявляются в следующих тенденциях: вытеснение нравственного поступка и внешнего поведения из поля психологического изображения; отвлечение психологических описаний от практики; ускорение (нарастание динамики) отражаемых психических процессов; повышение роли интуитивного (мистического) начала в душевной жизни; осмысление языка как основы и посредника всякого мышления; критика детерминистских догматов в области внутренней жизни; смещение нравственно-дидактических функций психологического изображения в сторону иных метафизических задач и др.

4. Принцип психологической организации романа «Дар» Набокова может быть определен как континуальный и синтетический. Для континуальной организации нарратива Набоков разрабатывает технику динамической интеграции структурных единиц текста в результате размывания смысловых границ между ними.

5. Психологическая организация романа «Дар» может быть интерпретирована в терминах длительности Анри Бергсона. Длительность может послужить психологической мотивировкой континуальной (динамической) организации текста Набокова.

6. Набоков находит специфическое разрешение проблемы «невыразимого» путем структурной трансформации нормативного языка. Язык ограничивает мышление, поскольку обобщает внутренние состояния и делает единицы мышления внеположными друг другу. Для преодоления языковых ограничений Набоков совершает синтез речевых единиц, что отражается на особенностях речевой организации романа «Дар».

7. В технике «потока сознания» возможно выделить два типа нарративной организации: синтетический и аналитический. Аналитический «поток сознания» характеризуется дискретной структурой и опирается на внутреннюю речь. Синтетический вариант того же приема предполагает мелодическую и стремящуюся к сцеплению языковых единиц речевую организацию текста.

8. Обращение к философии Анри Бергсона обнаруживает продуктивность при разрешении целого ряда теоретических проблем, поставленных в современном набоковедении.

Апробация работы. Диссертация была подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где была защищена НКР в сентябре 2023 года. По теме диссертации были прочитаны доклады на 5 научных конференциях: 1) «Проблема памяти: В.В. Набоков и Анри Бергсон» // V Международная конференция молодых ученых

«Пространство и время в русской литературе и философии» (Москва, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 15-16 ноября 2022 г.); 2) «Идея длительности в романе “Дар”»: В. Набоков и А. Бергсон // IV Международная конференция молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии» (Москва, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 12-13 октября 2022 г.); 3) «Онейризация повествования в третьем лице (Ф.М. Достоевский и модернизм)» // VII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 17-19 декабря 2020); 4) «Гениальность как преодоленное безумие (А. Белый и В. Набоков)» // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2020» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 10-27 ноября 2020); 5) «Картина будущего в романе В. Набокова «Приглашение на казнь»: автоматизация речи и жеста» // Международная научная конференция «Образ будущего в русской литературе XX-XXI вв.» (Москва, ИМЛИ РАН им. А.М. Институт Библиотека имени Н.Ф. Федорова, 4-7 октября 2023).

Структура работы включает в себя введение, четыре главы, составившие основную часть исследования, заключение, список источников и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, определены предмет и методы исследования, сформулированы затронутые в нем проблемы, кратко изложена история их изучения, а также сформулирован методологический подход к изучению структурных принципов изображения внутренней жизни в прозе В. Набокова.

В первой главе «**Эволюция психологической прозы**» предложено истолкование основных понятий, используемых при изучении психологической прозы XIX–XX вв., дано общетеоретическое обоснование

подхода к исследованию текстов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других авторов. В сферу исследовательского внимания были включены также модификации приемов этих писателей в «новой» психологической прозе.

В параграфе 1.1 **«О содержании понятия “психологической прозы”: возникновение и эволюция психологизма в русской литературе XIX в.»** предлагается рабочее определение литературного психологизма как «принципа организации текста на основе той или иной психологической структуры». На основе предложенного определения выделяются общие закономерности устройства психологической прозы, исходя из которых различные структурные и речевые особенности художественного текста (такие как: ритмическая организация, лексика, образный ряд, синтаксис, композиция и т.п.) определяются мышлением главного героя и индивидуальными характеристиками его сознания.

Параграф 1.2 **«Морфология развития психологической прозы в XIX в.»** главным образом направлен на опровержение общепринятого представления о радикальном генеалогическом разрыве между психологическими традициями в текстах XIX и XX вв. Для обоснования нового подхода к изучению психологической прозы был предложен морфологический способ истолкования трансформаций психологических художественных текстов, относимых к различным историко-литературным традициям. В качестве новой исследовательской оптики было предложено сквозное (транс-парадигмальное) рассмотрение форм психологической литературы, исходя из которого ни одно из ведущих новаторских произведений психологической прозы не может быть без остатка определено в рамках единственной парадигмы («направления»).

Центральная закономерность развития психологической прозы была определена следующим образом. Нетипичные (маргинальные) качества психологического текста прежней парадигмы нередко становятся в новой парадигме типичными (магистральными). Например, техника «потока сознания», встречающаяся в прозе Толстого в качестве периферийного

приема, становится основанием и типической характеристикой многих текстов XX в. Ключевым механизмом при изменении форм психологической прозы, по результатам исследования, стало смещение функций и идеологического содержания тех или иных сходных формальных структур.

При сопоставлении психологической прозы XIX и XX вв. мы выделили следующие параметры ее развития в прозе Набокова: утончение предмета изображения до «микроскопических» штрихов (до мельчайших «шелковинок», по Айхенвальду); вытеснение всего «типического» из психологических описаний; повышение динамики психических процессов; возрастание самоценного и интроспективного характера психологических наблюдений; критика принципа всяческой — внешней и внутренней — детерминации душевной жизни; отказ от принципа жизнеподобия; интериоризация повествования в сознание персонажа; осмысление языка как основы и посредника всякой душевной жизни; оттеснение поступка из поля психологического изображения, а также, в целом, смещение проблематики в сторону иных метафизических вопросов.

Вторая глава **«Трансформация психологической прозы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в литературе XX вв.»** посвящается выделению и изучению «нетипичных» нарративно-психологических приемов в прозе Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, которые стали наиболее востребованными в текстах XX в. и произведениях Набокова, в частности.

В параграфе **«Значение психологического романа Л.Н. Толстого в развитии психологической прозы XX в.»** рассматриваются наиболее продуктивные экспериментальные техники Л.Н. Толстого в области изображения внутренней жизни. Исследовательское внимание было обращено на возрастание динамики психологических описаний, которое в прозе Толстого иногда доходит до «потока сознания». В контексте приема «потока сознания» были изучены структурные и психологические параметры «внутренней речи» в романах писателя. В результате анализа релевантных фрагментов из романа «Анна Каренина» были сформулированы ключевые

характеристики художественного подхода Л.Н. Толстого к изображению душевных явлений.

Наиболее важными среди них для последующего развития психологической прозы оказались нелинейное изображение мыслительных процессов, интуитивистская трактовка внутренней жизни и упор на непосредственные данные сознания, а также самодостаточный характер многих психологических наблюдений в прозе Толстого. Этим качества были выявлены в прозе Набокова и сопоставлены с текстами Толстого на различных примерах из романа «Дар».

Кроме того, на основании ряда структурных оснований была предпринята попытка к осмыслению и интерпретации психологического подхода Л.Н. Толстого через призму — более позднего по времени — философского учения Анри Бергсона, которое в дальнейшем составит фундамент новой психологической прозы в литературе XX в. Проза Толстого, на наш взгляд, послужила «переходным мостом» между традициями XIX и XX вв. в сфере изображения внутренней жизни.

В центре исследовательского внимания в параграфе 2.2. **«Набоков и Достоевский: о структуре параноидальной прозы»** стали типологические сближения двух писателей, которых принято считать противопоставленными по ряду стилистических и идеологических качеств. Несмотря на господствующее мнение, в прозе Набокова можно обнаружить множество черт, восходящих к творческому наследию Достоевского: одна из них — нарративная организация текста на основании параноидальной структуры мышления. Для параноидального текста характерно вращение сознания субъекта вокруг «сверхценной идеи», повторение речевых конструкций, ему свойственна разорванность логики, введение бредовой семиотической системы, сновидений и галлюцинаций в образный ряд. Таковы, например, произведения Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», «Двойник», «Преступление и наказание» и некоторые другие.

Нарративно-психологические приемы Достоевского определили структурные особенности таких произведений Набокова, как «Отчаяние», «Соглядатай», «Защита Лужина», «Лолита» и др. Недаром Смуров, потирая руки, копирует жест Голядкина³¹. Набоков наследует из прозы Достоевского технику раздвоения нарративных инстанций, которая позволила писателю соединить фантастический и реальный образные ряды в повествовательной системе «аутистического» типа. В таком повествовании предметность вытесняется психологическим содержанием, организуя особую форму самозамкнутого (аутистического) нарратива, в котором образный ряд нередко творится самим героем как модальным субъектом вымысла.

Однако наличие параноидальной структуры и других психопатологических атрибутов мышления не исчерпывает своеобразия набоковской прозы. Многие из набоковских романов воспроизводят иной, более гармоничный психологический механизм. Образцом синтетического принципа организации психологического текста можно считать роман «Дар» В.В. Набокова. Синтетическому истолкованию прозы Набокова была посвящена третья глава **«Место и значение философии Анри Бергсона в психологической прозе первой трети XX в.»**, которая была разбита на три параграфа. Каждый из них был обращен к определению роли и значения философии Анри Бергсона при выработке метафизических и структурных принципов организации психологических текстов Набокова.

Выбор Анри Бергсона в качестве методологической и герменевтической основы для анализа текстов Набокова поясняется в параграфе 3.1 настоящего исследования. Усвоение и переработка некоторых аспектов бергсоновского учения в прозе Набокова могло совершаться как напрямую (писатель открыто цитировал Бергсона в «Текстуре времени»), так и косвенно (через Марселя Пруста, которого Набоков читал и перечитывал). Новое разрешение проблемы «невыразимости» душевных состояний, постижение интуитивных начал человеческого мышления, наконец, структуры и роли памяти в организации

³¹ Набоков В.В. Собр. соч. в 5 т. Русский период. Т.3. Соглядатай. С. 52.

душевных процессов, по нашему мнению, разрабатывались в романах Набокова с учетом бергсоновской философии. Центральной при этом оказалась проблема времени, которая позволила соотнести вопросы и психологического, и метафизического характера и определить особенности структурной организации романа «Дар».

В романе «Приглашение на казнь» Набоков называл внешнее (исчислимое, математическое) время — «крашеным»³². В других случаях он использовал метафору арестантских полос, — «поперечно-полосатых лент сантиметра»³³. , — чтобы подчеркнуть ограничения, наносимые внешним временем на сознание. Время представляется писателю как тюрьма, «глухой стеной окружающая жизнь»³⁴, темница, из которой необходимо выбраться. Однако бытие, по Бергсону, не ограничивается только таким — аналитическим, рассудочным — временем, существует также время творческое, психологическое.

Внутреннее время Бергсон уподобляет мелодии внутренней жизни. В ней нельзя выделить мгновения, ее нельзя остановить, прервать, определить в слове. Состояния располагаются во внутреннем времени не рядом друг с другом, но одно в другом, синтезируясь в континуальное единство. Таким психологическим свойством обладает центральная категория философии Бергсона — категория длительности внутренней жизни. Изучению условий художественного выражения длительности в романах Набокова посвящены параграфы третьей и четвертой главы. Проблема словесной реконструкции длительности ставилась в нескольких ракурсах: организации синтетической прозы (разделы 3.2.1 и 3.2.2), лингвистическом ракурсе (раздел 3.2.3), при изучении техники «потока сознания» (параграф 4.1) и проблемы памяти в романах Набокова (раздел 4.2.1).

³² Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.4. Приглашение на казнь. С. 128.

³³ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.4. Дар. С. 203.

³⁴ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.1. Другие берега. С. 146.

Содержание четвертой главы **«Проблемы психологической прозы В. Набокова в свете философии Анри Бергсона»** посвящено фундаментальным вопросам, поставленным современным набоковедением: проблеме синтетического воспроизведения «потока сознания» и изучения структуры и значения памяти в текстах Набокова. Оба вопроса разрешаются в ракурсе «философии длительности» Анри Бергсона.

«Поток сознания», по нашей мысли, может быть двух видов: *синтетический* и *аналитический*. Первый представлен в прозе Набокова, он же может быть обнаружен в прозе Пруста. Второй тип складывается в прозе Толстого и развивается в романах Джойса. Синтетический «поток сознания» предполагает некоторую мелодию, изменчивый поток из неостановимых переходов, состоящий, как всякий поток, из множества симультанных состояний и впечатлений. Аналитический поток сознания подразумевает членение внутренней жизни на составные части, при котором слова и состояния нанизываются друг на друга и тем самым разделяются. Типы «потока сознания» также могут быть определены по принципу «дискретности» / «континуальности», по степени того, насколько внешне разорвана речь. Аналитический поток опирается на дискретную внутреннюю речь, в то время как синтетический имитирует процессуальное мышление, нацеленное на преодоление статических атрибутов языка во всех речевых его формах: и внутренних, и внешних.

Вторая проблема, поставленная в настоящей главе, касается категории «памяти» в текстах Набокова. Она фундаментальна для писателя, структурирует большинство из его психологических текстов. Более того, память, рассмотренная в свете бергсоновской философии, может определять и другие психологические аспекты в романах Набокова: она участвует в актуальном восприятии, она составляет «внутреннее время», наконец, изъятие памяти из процесса восприятия может уподобляться «расчеловечиванию» (рассказ «Ужас»).

Раздел 4.2 «**Что значит восстанавливать время?**» посвящается истолкованию мотива восстановления времени в прозе Набокова.

Обыкновенно память рассматривается исследователями Набокова как средство обретения «личного бессмертия». Задача Набокова в таком случае заключается в реставрации воспоминаний, записи прошлого. Однако принцип самой реставрации, по нашему мнению, зачастую понимается неверно. Недоразумение, надо полагать, происходит из того, что память представляется как нечто статичное, подобное книгам, «разложенным на полочках»³⁵. Однако чистая память, по мысли Бергсона, есть беспрестанно растущая и неделимая на моменты последовательность состояний от самого рождения. Бергсон называет ее психологической тканью внутренней жизни³⁶, которая приближает нас к тому, что Набоков подразумевал под «текстурой времени». Именно она и является предметом «реставрации».

При реставрации времени восстановлению подлежит само движение воспоминаний, в то время как пространственные снимки прошлого (так называемые «мгновения») не могут считаться предметом восстановления. Будучи статичными, они, наоборот, лишают чистую память всей жизненной силы и отрывают воспоминания друг от друга: восстанавливать мгновения значило бы тогда восстанавливать пространство. Время же является единым и непрерывным становлением, напором воспоминаний на настоящее. Восстанавливать время, таким образом, значит восстанавливать *движение* чистых воспоминаний: «Временем, — писал Набоков про Ганина, — для него был ход его воспоминания, которое развертывалось постепенно»³⁷.

Проблемный узел настоящего исследования был сформулирован в следующем виде: может ли внешняя письменная речь запечатлеть чистое изменение? Чтобы ответить на этот вопрос, мы предприняли попытку определить, какие ограничения язык накладывает на длительность. Язык, во-

³⁵ Бергсон А. Творческая эволюция, 2001. С. 48.

³⁶ Там же. С. 238.

³⁷ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.2. Машенька. С. 85.

первых, не может претендовать на корректное наименование качественных состояний сознания, потому что он их обобщает и лишает индивидуальной конкретики. Во-вторых, язык разбивает синкретический мыслительный процесс на отдельные фрагменты и изолирует состояния друг от друга. Состояния же образуют душевный континуум, или «поток сознания», недоступный рассудочному членению. Для того чтобы «поток сознания» запечатлеть, следовательно, речь должна была структурно уподобляться «длительности».

Роман «Дар», как мы считаем, во многих отношениях являет собой художественное воплощение «длительности». В нем все структурные единицы постоянно пребывают в переходном состоянии, всегда готовы сместиться. Между состояниями не остается «пустого промежутка» — они включены друг в друга. Основным приемом в романе «Дар» можно считать «мысленный синтез», который связывает разнородные представления (образы, ощущения, воспоминания и т.п.) в единый психологический континуум.

Набоков разрабатывает технику динамической интеграции структурных единиц путем размывания смысловых границ между ними. Этому принципу организации текста посвящены разделы 3.2.1–3.2.3. под общим названием параграфа: **«Общие замечания по поводу синтетической прозы Набокова: роман “Дар” как психологическая континуальность»**. Набоковский синтез совершается на различных уровнях: жанрово-родовом, образном, пространственно-временном, интертекстуальном, на уровне нарративной организации точек зрения, наконец, на языковом уровне.

Последнее заслуживает отдельного внимания, поскольку ставит проблему выхода за границы языка. По итогам исследования, разрешение этой проблемы может заключаться в преодолении, во-первых, дискретной организации языкового высказывания, во-вторых, нормативного (унифицированного) значения слова.

При организации континуальной (или процессуальной) прозы Набоков может деформировать нормативное значение слова фонетическими,

семантическими и стилистическими средствами. Первое предполагает особую ритмико-фонетическую организацию речевого материала, при которой слова будто «слипаются», вливаются друг в друга без возможности их разграничения. Они образуют звуко-смысловую мелодию, составляющую «синтетический поток сознания». Таково, например, единое, «сборное название триллиона тонов» из романа «Дар»: *бриллиантоволуннолитовосизолазоревогрозносапфирисосинелиловый*³⁸.

Интеграция языковых единиц может также совершаться стилистическими средствами, основой которых выступает метонимия и метафора. Метафоры и метонимии «размыкают» смысловый ряд и связывают слова по непредсказуемым признакам. Более того, как мы определили в параграфе 3.2.3, метафора в определенных условиях позволяет вытеснить «общую идею» из процесса восприятия. Тем самым восприятие деинтеллектуализируется и внешний образ преподносится как сжатый синестетический комплекс из разнородных чувственных качеств.

Таким образом, роман Набокова «Дар» может быть определен как синтетический и континуальный. Длительность объясняет структурную (языковую, нарративную, образную и т.д.) организацию набоковского романа и определяет центральный психологический принцип его устройства.

Основные структурные параметры психологической прозы Набокова могут быть определены следующим образом. Как и большинство модернистов, Набоков погружает повествование в сознание главного героя. Значимость внешних (исторических) событий потому снижается в таких романах как «Дар» или «Защита Лужина»: внешние события, в сущности, теряют влияние на внутреннюю жизнь персонажа. Более того, за редким исключением в романах Набокова можно встретить хотя бы несколько описаний поступка, достойного морально-психологического анализа в духе Толстого. Этические вопросы разрешаются в прозе Набокова в составе эстетических: происходит аксиологическое смещение, вследствие которого

³⁸ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. Т.4. Дар. С. 500.

внешний поступок вытесняется из психологического изображения — на его место помещается творческий акт, письмо. В романе «Дар», например, едва ли можно назвать и десяток примеров значительного поступка и в связи с этим соответствующего психологического анализа этих поступков. Роман Набокова созерцателен и в некотором смысле бездейтелен. Внешняя праздность в «Даре» сопровождается интенсификацией внутренней, творческой работы сознания. В таком ракурсе «Дар» — как воплощение индивидуальной «творческой эволюции» Федора Годунова-Чердынцева — типологически сближается с философией Анри Бергсона.

Таким образом, категории бергсоновской философии могут быть применены не только для истолкования содержательных проблем набоковского наследия, но и для определения принципа синтетической организации языка и континуального нарратива. Набоков создает уникальную форму синтетического романа как образца новой психологической прозы. В связи с этим было бы некорректно, на наш взгляд, полагать, что «великий русский психологизм» закончился на прозе Толстого. Напротив, психологическая проза трансформируется, рождая новые формы. Так и набоковский синтетический роман, заняв свое место в эволюции психологической прозы и основав свою «традицию», становится значимой вехой в развитии будущих принципов изображения внутренней жизни.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих **статьях**, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Бережнов Д.А. Техника «потока сознания»: бергсонианское истолкование психологии в прозе В. Набокова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т.22. Вып. 1. С. 99–104. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,218.
2. Бережнов Д.А. О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона //

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. №4. С. 132–141. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,203.

3. Бережнов Д.А. Психологизм Набокова на фоне традиционной парадигмы русской литературы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т.81. №5. С. 40–47. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,252.

4. Бережнов Д.А., Леденев А.В. Восстановление времени: Анри Бергсон и Владимир Набоков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т.28. №3. С. 530–539. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,319.